

— Розничные покупатели не могут, как крупные торговые компании, купить вино в других местах. Если я продам им меньше, они могут вообще остаться без вина. Поэтому я думаю, что в этом году ты возьмешь немного меньше.

Закончив говорить, отец Лян на мгновение увидел, что Чжуан Цинцзэ не знает, как ответить. Тот хотел вскочить и закричать: «Нет! Ни за что!», но разум подсказывал, что так поступать нельзя.

Заметив, что лицо Чжуан Цинцзэ изменилось, отец Лян почувствовал странное чувство. Он думал, что его шурин не откажет.

Обдумав ситуацию на винокурне, отец Лян продолжил уговаривать:

— Я подумал, что даже с добавлением выдержанного вина мы сможем собрать только половину прежнего объема. Если переживем этот год, в следующем все будет как раньше. Брат, я не хочу, чтобы ты пострадал, но иного выхода нет.

Отец Лян уже так сказал, и если Чжуан Цинцзэ все еще не согласится, то он не станет настаивать и найдет другой способ.

Чжуан Цинцзэ понимал, что у него нет выбора. Отец Лян уже все объяснил, и если он откажется, между ними обязательно возникнет напряжение. Сейчас было не время для полного разрыва.

Под столом он сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, оставляя глубокие следы. Все его тело напряглось.

Отец Лян вздохнул и снова заговорил:

— Брат, в этом году я смогу дать тебе только одну десятую от прежнего объема. Если еще урезать твою долю, это будет слишком мало. Может, просто...

— Шурин, все в порядке. — Чжуан Цинцзэ внезапно прервал его. — Я возьму меньше в этом году. Ты всегда меня поддерживал, и я понимаю, что вина в этом году мало. Может, я вообще не буду продавать вино, а в июле, перед сбором урожая, займусь покупкой зерна.

— Нет, я уже чувствую себя виноватым, что урезаю твою долю. Нельзя совсем тебе ничего не давать. — Отец Лян покачал головой. Ему и так было неловко за свои слова, а теперь, услышав, что шурин готов вообще отказаться от вина, он не мог этого допустить.

— Шурин, все в порядке. Если тебе что-то понадобится, скажи, я всегда готов помочь. — Чжуан Цинцзэ стиснул зубы, проглотив то, что действительно хотел сказать.

Он натянул улыбку, демонстрируя свою великодушие. В сложившейся ситуации он понимал, что не может показывать недовольство.

Чжуан Цинцзэ поговорил с отцом Ляна, и госпожа Чжуан предложила ему остаться на обед. Но сейчас он был настолько раздражен, что не хотел видеть семью Лян, и поспешно отказался:

— Сестра, мне нужно вернуться. Через пару дней я уезжаю, нужно готовиться к июльской поездке, так что я не останусь.

— Хорошо, тогда подожди, я соберу тебе кое-что с собой. — Госпожа Чжуан не стала

настаивать и, как обычно, приготовила для брата несколько пакетов с вещами.

Стоя у ворот дома семьи Лян с подарками от сестры, Чжуан Цинцзэ выглядел тронутым:

— Сестра, шурина, вы так обо мне заботитесь. В этом году вина на винокурне мало, и управляющие торговых компаний пришли к шурина за вином. Если его не хватит, то лучше вообще не оставляйте мне.

— В прошлые годы мы скопили немного серебра, хватит на учебу Чэнхуна и Чэнчжи. В этом году заработаем меньше, будем есть больше простой пищи, но не стану портить дела шурина. Сестра, поговори с ним.

Эти слова, полные жалости к себе и заботы, заставили госпожу Чжуан прослезиться. Она, и сердцем, и словами, обещала:

— Брат, как я могу позволить, чтобы твоя семья голодала? Чэнхун и Чэнчжи растут, нельзя лишать их еды. Я поговорю с шурином, посмотрим, что можно сделать.

Чжуан Цинцзэ, добившись своего, перестал жаловаться. Он с трудом улыбнулся:

— Сестра, не нужно. Если я не буду продавать вино, то смогу заработать на продаже зерна. Просто шучу насчет простой пищи. Я глава семьи, не позволю детям голодать.

Госпожа Чжуан уже была уверена, что брат понес большие убытки. Раньше она не интересовалась делами винокурни, но теперь решила спросить мужа, что происходит.

Отец Лян окончательно успокоился. Он боялся, что шурина будет недоволен или даже обидится, но тот быстро все понял и поддержал его.

Хотя сначала реакция шурина была неопределенной, отец Лян понимал, что сам бы тоже мог растеряться, услышав такие новости. Это было естественно, и он не придавал этому значения.

Теперь ему оставалось только дожидаться конца месяца, чтобы отправиться на винокурню и посмотреть, как обстоят дела с новым вином, а затем выбрать немного выдержанного.

Госпожа Чжуан вошла в дом, с красными глазами глядя на мужа:

— Муж, что случилось с братом? Я слышала, он сказал, что в этом году не возьмет вино?

Отец Лян взял ее за руку и объяснил ситуацию, с чувством сказав:

— Цинжун, у меня просто не было другого выхода. Брат понял наши трудности, и я ему благодарен.

Затем, чувствуя вину перед Чжуан Цинцзэ, он предложил:

— В этом году брат получит меньше вина, и его доход сократится. Вся семья зависит от него, а продажа зерна принесет лишь немного денег. Может, пусть они приедут к нам на Новый год, а когда уедут, мы им поможем?

Госпожа Чжуан, узнав о ситуации на винокурне, тоже беспокоилась. Хотя она жалела брата, она была замужней женщиной, с мужем и сыном, и в ее сердце семья Лян занимала большее место.

Поэтому, если с вином ничего нельзя было сделать, то в пределах своих возможностей она могла помочь семье:

— Хорошо, я все подготовлю.

Тем временем Чжуан Цинцзэ вернулся домой, полный гнева. Чжао Хунмэй, увидев его, поняла, что поездка прошла неудачно. Вспомнив, зачем он уезжал, в ее глазах мелькнуло недовольство.

Не дожидаясь вопросов, Чжуан Цинцзэ, войдя, начал ругаться:

— Какого черта! Какая там забота! Я думаю, Лян Юсю уже давно хотел сократить мою долю, и теперь воспользовался случаем!

Чжуан Цинцзэ знал, сколько выдержанного вина было у семьи Лян. Он хотел предложить взять больше, но отец Лян заранее закрыл эту возможность, прямо указав, что его доля будет урезана. Что он мог сказать?

— Как они могли так поступить? — Чжао Хунмэй нахмурила тонкие брови, и в ее узких глазах сверкнул огонек.

— Как они могли? Я — Чжуан, а он — Лян. Его сын уже женился и скоро подарит ему внуков, так что он, видимо, хочет избавиться от меня, своего шурина-нахлебника. — Чжуан Цинцзэ ударил кулаком по столу.

— Цинцзэ, не злись. Думаю, сестра и шурин не такие. В этом году вина действительно мало, и, вероятно, сестра найдет способ нам помочь. — Чжао Хунмэй налила ему чашку воды, чтобы он успокоился.

Чжуан Цинцзэ взглянул на дымящийся чай, и его гнев только усилился. Он резко смахнул чашку на пол:

— Какая помощь? Мы что, нищие родственники, которые приходят за подачками?

Слова Чжао Хунмэй задели Чжуан Цинцзэ. Все эти годы он получал помощь и поддержку от сестры и шурина, и это делало его беспомощным, словно он не мог содержать семью без родителей.

— Чжуан Цинжун — моя родная сестра. Когда она выходила замуж, родители дали ей огромное приданое, я знаю, что это были почти все семейные сбережения.

— Без приданого Чжуан Цинжун винокурня Лян Юсю не смогла бы существовать, она бы давно разорилась, и не было бы никакой винокурни семьи Лян. А за все эти годы она дала мне меньше одной десятой от того приданого!

— И я каждый год усердно продаю их вино, но не получаю ни слова благодарности. Когда возникают проблемы, они сразу сокращают мою долю. Это забота? К своему родному брату они относятся хуже, чем к чужим. Чушь!

— Хунмэй, раньше я не придавал значения твоим словам, но теперь все понял. Чжуан Цинжун теперь думает только о семье Лян, а обо мне забыла.

— Если бы я знал, если бы я знал, я бы давно действовал, не ждал бы до этого момента... Лян

Юсю, не думай, что если в этом году вино испортилось, то в следующем все будет хорошо. В следующем году вино семьи Лян снова испортится, и ты не сможешь сохранить хорошую репутацию винокурни. Мечтай!

<http://bllate.org/book/16698/1533593>